

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/GITVDU>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТЕЗАУРУСА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА ДАЧИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВВ.

© 2022 г. О.А. Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 17 мая 2022 г.

Дата одобрения рецензентами: 22 июня 2022 г.

Дата публикации: 25 сентября 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00051: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала»), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы изучения дачи как особого вида художественного пространства в русской литературе XIX–XXI вв. Дача анализируется на фоне гораздо лучше изученной в настоящее время литературной усадьбы, обсуждаются и уточняются понятия «дачная культура», «дачный текст», «дачный топос», вводятся в научный оборот термины «литературная дача», «поэтосфера дачи», «дачный миф», показывается их соотношение, прослеживается динамика. Перечислены основные конститутивные различия топосов усадьбы и дачи, сформированные в XIX – начале XX в. В советское время, в связи с исчезновением владельческой усадьбы, ряд ее функций (единство природы и культуры, хранение семейно-родовой памяти и пр.) перешел к даче. Уже с 1920-х гг. формируется «поэтосфера дачи», во многом благодаря атмосфере писательских дачных поселков (Тарусы, Переделкина, Комарова и др.), ставших специфическими топосами художественного творчества. В 1960–1980-е гг. — период массового дачного строительства в СССР — «дачная культура» обогащается то романтикой индивидуальной предприимчивости, то волнениями эзотерического поиска. В литературе рубежа XX–XXI вв. складывается «дачный миф», вобравший в себя антиномичные коннотации децентрированного мироощущения современности. С целью научного освоения феномена литературной дачи в статье поставлена задача формирования исследовательского тезауруса как релевантной предмету изучения системы категорий.

Ключевые слова: русская литература XIX–XXI вв., «литературная дача», «дачная культура», «дачный текст», «дачный топос», «поэтосфера дачи», «дачный миф».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Для цитирования: Богданова О.А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

FORMATION OF THE RESEARCH THESAURUS IN STUDY OF THE PHENOMENON OF DACHA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH–21ST CENTURIES

© 2022. Olga A. Bogdanova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: May 17, 2022

Approved after reviewing: June 22, 2022

Date of publication: September 25, 2022

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051: “Estate and dacha in Russian literature of the 20th–21st centuries: the fate of the national ideal.”

Abstract: The article deals with the problems of studying the dacha as a special kind of artistic space in Russian literature of the 19th–21st centuries. The author of the article analyses dacha against the background of a much better studied “literary estate,” discusses and clarifies the concepts of “dacha culture,” “dacha text,” “dacha topos,” “dacha myth,” introduces into scientific circulation, shows relationship and dynamics of the terms “literary dacha,” “poetsphere of dacha,” “dacha myth.” The article lists main constitutive differences between the toposes of estate and dacha formed in the 19th and early 20th centuries. In Soviet time, due to the disappearance of the owner’s estate, a number of its functions (unity of nature and culture, storage of family and ancestral memory, etc.) passed to the dacha. Already since the 1920s, the “poetsphere of dacha” has been formed, largely due to the atmosphere of writers’ country villages (Tarusa, Peredelkino, Komarovo, etc.), which have become specific toposes of artistic creativity. In the 1960–1980s — the period of mass dacha construction in the USSR — the “dacha culture” is enriched either by the romance of individual enterprise, or by the excitement of esoteric search. The literature of the turn of the 20th–21st centuries formed “dacha myth,” which has absorbed the antinomic connotations of the decentered worldview of modernity. For the purpose of scientific development of the phenomenon of literary dacha, the article sets the task of forming a research thesaurus as relevant to the subject of the study of the categories’ system.

Keywords: Russian literature of the 19th–21st centuries, “literary dacha,” “dacha culture,” “dacha text,” “dacha topos,” “poetsphere of dacha,” “dacha myth.”

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

For citation: Bogdanova, O.A. “Formation of the Research Thesaurus in Study of the Phenomenon of Dachas in Russian Literature of the 19th–21st Centuries.” *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 10–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>

Как было отмечено в одной из предыдущих работ автора настоящей статьи, важнейшей задачей литературоведческого изучения феноменов русской усадьбы и дачи становится «не широта анализируемого материала, а целенаправленность в выработке новой и применении уже существующей системы категорий литературоведческого анализа. Интеграция терминов из риторики (топос, пафос, прецедентный текст и др.), гуманитарной географии (литературное место, литературный ландшафт, литературно-географическое пространство и др.), искусствоведения (палитра, портрет, кисть, абрис, пластичность, полихромия и др.), философии (габитус, гетеротопия, холизм и др.), социологии (детерминизм, гендер, маргинальность, лиминальность и др.) и других занимающихся усадьбой наук способствует созданию на почве литературоведения по возможности непротиворечивой и взаимодополнительной междисциплинарной *системы категорий и терминов* для всестороннего исследования образа усадьбы в русской и мировой литературе и культуре XVIII – начала XXI в.» [5, с. 90–91]. И если в деле изучения усадьбы были достигнуты определенные результаты (верифицированы термины «усадебный топос», «усадебный миф», «усадебный хронотоп», «усадебный локус», «усадебный текст», «усадебная культура», выдвинуты новые термины «усадебный габитус», «гетеротопия усадьбы», «неомифологический модус» и др.) (см.: [5; 6; 7]), то в литературоведческих исследованиях дачи до сих пор наблюдаются разнობой и хаотичность в терминологическом плане, а также отсутствие релевантных инструментов анализа. А ведь в русской литературе XX–XXI вв. именно дача, в силу культурно-исторических обстоятельств потеснившая усадьбу и принявшая на себя ряд ее функций, становится одной из важнейших форм

репрезентации художественного пространства. «Не следует ли считать, что истинный центр России там, где дачная и сельская местности, а периферия — в городах с их общественными институтами, в том числе — самим Кремлем?» — таким провокационным вопросом завершает книгу “Дачные идиллии” американский антрополог Мелисса Колдуэлл [31, с. 198]», отмечает ее рецензент [17, с. 359].

Цель настоящей статьи — указать на необходимость системного изучения литературной дачи, в том числе современной, и предложить средства для этого. Но вначале — немного об истории сосуществования феноменов усадьбы и дачи в русской литературе. Обратившись к топосам помещичьей усадьбы и дачи как наделенным особой семиотикой пространственным средам, увидим, что в русской литературе XIX – начала XX вв. они в целом противостояли друг другу. В самом деле, усадьба и дача хотя и родственные в ряде черт, но все же разные топосы. Рассуждая о культурных метаморфозах Серебряного века, Е.Е. Дмитриева сравнивает «мироощущени[e] дачно[e], с его временностью жилища, его ничейностью» с усадебным, «в основе которого чувство преемственности поколений, укорененности человека в исторической почве. Идеал усадебного рая, образ сада как модели земного Эдема в дачном пространстве принципиально отсутствуют, будучи заменены в поэтическом выражении фофановскими “укропом и крапивой” [35], а в бытийном — пошлостью и прагматизмом. <...> Дачное сознание покушается на святая святых усадьбы — принцип замкнутости, охранительности идеального пространства. И, самое главное, на саму идею “высокой бесполезности” усадебного быта, его отрешенности от злобы дня...» [11, с. 161]. И хотя, как пишет В.Г. Шукин, на рубеже XIX–XX вв. в творчестве А.П. Чехова возникает «совершенно оригинальный социокультурный локус — усадьба-дача» [29, с. 393], в большинстве своем дачные поселки вокруг крупных городов, прежде всего Петербурга и Москвы, носили черты обыденности и посредственности, что отразилось в очерках и рассказах Н.А. Лейкина, А.П. Каменского и многих других (см.: [29, с. 382–383, 419–421]). Так, например, в рассказе Б.К. Зайцева «Мать и Катя» по отмеченным выше признакам противопоставлены усадьба Панурина и близлежащая дача, на которой отдыхали сестры-москвички. В стихотворении А.А. Блока «Незнакомка» дана сходная картина дачного местечка Озерки под Петербургом — как апофеоза пошлости.

В русской литературе Серебряного века сформировалась целая традиция негативного отношения к даче, которая со второй половины XIX в. существует во многом «как антиномия усадьбе: дробление усадебного пространства и появление внутри него дач, совершенно иного, инородного по отношению к усадебному миру локуса» [22, с. 226]. Дачник только временный обитатель дома и небольшого участка земли, «постоялец»; дача — «место сезонного проживания, пространство, не существующее или, по крайней мере, не актуальное вне летнего времени» [23, с. 221]. В пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» само слово «дачник» наделяется иронически-отрицательными коннотациями. Лопахин говорит: «Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности» [36, с. 206]. В пьесе А.М. Горького «Дачники» читаем: «Дачники <...> вроде как в ненастье пузыри на луже <...>, вскочит и лопнет <...>, вскочит и лопнет...» [33, с. 210], а также: «Мы — дачники в нашей стране <...>, какие-то приезжие люди» [33, с. 276]. Для В.Я. Брюсова дача в первую очередь локус непритязательной чувственной любви, часто обставленной сниженно смешными деталями, вроде необходимости скрываться от ревнивой жены [20]. Непрстойная физиология половых «томлений» гимназистов — в центре рассказа Г.И. Чулкова «На даче» — «...дачная любовь, распаренная в духоте, пышно распускалась: смутные желания светились в глазах, руки пожимали руки, колени млели от соприкосновения...» [37, с. 178].

Опираясь на исследования Ю.М. Лотмана [14], Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой [11], В.Г. Шукина [29], Ст. Ловелла [13], П. Деотто [8; 9] и др., а также на собственные наблюдения и выводы [4], выделим и сформулируем конститутивные различия дачного и усадебного топосов, отвлекаясь при этом от их динамики на протяжении XVIII – начала XX в. и частичной конвергенции в конце указанного периода. Итак,

1) у дачи, в отличие от усадьбы, нет хозяйственной функции; ее жителям незнакомо «сыновнее чувство по отношению к земле» [29, с. 420];

2) дачное проживание, в отличие от усадебного, сезонное, совпадающее с теплым весенне-летним периодом;

3) в отличие от усадебного принципа «вертограда заключенного», т. е. замкнутости, автономности пространства, дачный участок разомкнут к окружающей территории: отдельные дачи являются элементами более

широкого топоса — дачного места или поселка, включающего в себя, помимо личных участков, общественную территорию: железнодорожную станцию, театральный или музыкальный зал, рестораны, публичный парк или сад, лодочную станцию, пляж и т. п.;

4) в отличие от усадьбы, всегда являющейся частной собственностью какого-либо владельца, дача может быть как собственной, так и съёмной; нередки случаи приспособления под арендуемые дачи построек на территории старых усадеб;

5) в отличие от не привязанного к близлежащему городу местоположения усадьбы, дача практически всегда находится в непосредственной близости от города и недалеко от железной дороги, чтобы обеспечить дачнику легкое сообщение с постоянным местом службы и прочей деятельности в городе; в силу этого дача со второй трети XIX в. по сути дела является элементом городской культуры; но и в раннем петербургском быту дачи — небольшие летние дворцы придворной знати, а затем и съёмные загородные помещения служивших при дворе офицеров и чиновников — были неотъемлемой частью столичного пространства (подробнее см.: [14, с. 82]).

6) по сравнению с усадьбой дача более демократична, внесословна, так как пребывание на ней не связано с владением землей или крестьянами (как в усадьбе до реформы 1861 г.), т. е. с сословными привилегиями дворянства; в результате на дачах собираются вместе и общаются горожане, принадлежащие к разным профессиональным и социокультурным мирам, что дает возможность формирующемуся внесословному «среднему классу» России «созерцать самое себя» [13, с. 139] и вырабатывать общие взгляды и подходы к действительности;

7) дача, как правило, имеет меньшие размеры и более скромный быт и убранство, чем усадьба;

8) если хозяева усадьбы обычно заняты управленческим, сельскохозяйственным или культурно-просветительным трудом на своей земле, то на даче господствует праздность как заслуженный отдых после городской службы ради заработка и нередко сопутствующая ей скука;

9) если владельцы усадеб создают вокруг себя искусственный культурный ландшафт, то дачники обычно живут в более естественном природном ландшафте вокруг дачных мест и поселков;

10) в результате в усадьбах складывается творческое, преобразующее отношение к природе, а на дачах, по большей части, — потребительское;

11) в отличие от усадьбы с ее социокультурным межсословным единством (дворян, крестьян, духовенства), «взаимная подозрительность и непонимание между дачником и мужиком стали избитой темой “дачной” беллетристики» [13, с. 135], т. е. наблюдается обострение социальных конфликтов; однако на дачах, возникших из раздробления бывших усадебных ансамблей, нередко преемственно сохранялся прежний межсословный симбиоз: так, например, писательница М.В. Алтаева-Ямщикова, автор мемуарного повествования «Гдовщина» о жизни псковской деревни конца XIX – первой половины XX в. (впервые опубликовано в 2020 г.), свидетельствовала о том, что с местным населением у нее «сложилась нежная привязанность, доверие и понимание» (цит. по: [10, с. 121]);

12) заметно разнятся социокультурные типы помещика и дачника, их системы ценностей и модели поведения: если идеал поместной жизни — дом как большая патриархальная семья, объединяющая кровных родственников и домочадцев (дворовых, слуг, приживальщиков), преемственность поколений, укорененность в историческом прошлом и нацеленность на возделывание наследственной земли, то дачник XIX – начала XX в., как правило, временный обитатель съемного загородного жилья, поселяющийся в нем или индивидуально, или нуклеарной семьей с целью отдыха и развлечений.

Можно ли в связи с указанными различиями говорить о существовании особого «дачного текста» в русской литературе — вопрос дискуссионный. Так, В.Г. Шукин признает существование «дачной литературы», «дачной новеллы» и «дачного хронотопа» (см.: [29, с. 371, 400]), но сомневается в правомерности введения термина «дачный текст»: «...структурная неорганизованность того, что могло бы называться дачным текстом, его значительная гетерогенность и <...> отсутствие текста-ключа» позволяют говорить о нем лишь как о «продуктивной и плодотворной модификации усадебного текста» с лежащим в его основе «мифом дворянского гнезда» [29, с. 434].

Вводя в научный оборот категорию «усадебного текста», В.Г. Шукин следовал логике В.Н. Топорова, выделившего «петербургский текст» как манифестацию антиномичного мифа о Петре I и Петербурге [25]; а миф, на

котором бы выросал «дачный текст», не был им обнаружен. В то же время Ст. Ловелл, указывая на дачу как на «явление исключительно русское», определяет ее как многократно отраженную в литературе XIX–XX вв. особую «жизненную модель», «стойкий культурный стереотип» с определенным «набором общественных ритуалов, форм общения, моделей поведения и культурных ценностей», что по сути дела позволяет говорить о феномене самостоятельной «дачной культуры»: дача не просто место обитания, но «образ жизни». Тем не менее Ловелл считает дачу не более чем «аванпостом городской цивилизации в преимущественно сельской, слаборазвитой стране» [13, с. 6, 14, 18, 102, 103], сводя ее к разновидности «городского топоса» и уходя от постановки вопроса о «дачном тексте» и особом «дачном топосе».

Однако очевидно, что начиная с середины XIX в. с дачей в русской литературе и культуре связан устойчивый комплекс значений, представлений и практик, существенно отличных как от города, так и от усадьбы. На наш взгляд, это может стать основанием для выделения самостоятельного «дачного топоса». И если «усадебный топос», который восходит к образам библейского Эдема и античных вилл и аналоги которого просматриваются во многих литературах мира, допустимо назвать универсалией, то «дачный топос», похоже, является уникальным явлением русской культуры и элементом сугубо «национальной русской аксиоматики» [21, с. 248].

Правда, существуют исследования, как будто опровергающие этот тезис. Так, рассмотрение дачи как устойчивого сюжета на материале латвийской периодики 1920–1930-х гг. приводит к выводу о том, что «дача является одним из топосов не только для русской, но и для латышской культуры. В обеих культурах уже к началу 1930-х гг. складывается особый дачный сюжет (в латышской культуре не без оглядки на “дачный текст” русской культуры). В то же время латышский материал подводит к выводу о том, что концепт “дачи как *неповторимо русского явления*” (Т.В. Цивьян) [27] нуждается в уточнении» [28, с. 268]. Аналогичного мнения придерживается американская исследовательница М. Колдуэлл, пытаясь включить российскую дачу постсоветского периода в европейский и американский контекст благодаря понятиям «естественной жизни» (“organic life”) и «медленного питания» (“slow food”, в противоположность “fast food” — быстрому питанию) [31, с. 154].

Не ставя перед собой задачи подробного теоретического обоснования категорий «дачная культура», «дачный текст» и «дачный топос», заметим, что по факту, эмпирически они приобретают все бóльшую актуальность в российской литературоведческой практике последних двух десятилетий (см.: [22; 26; 27; 16; 30; 3; 18; 15; 20; 24; 19]). Несмотря на некоторую неопределенность, в исследованиях XXI в. названные термины стали рабочими понятиями.

Но пойдём дальше и предложим для введения в научный оборот ещё одну категорию — «дачный миф». Безусловно, в этом случае мы отталкиваемся от аналогии с «усадебным мифом», имея в виду уже проясненное в науке соотношение между такими категориями, как «усадебный топос» и «усадебный миф». Напомним его. По известному определению В.Г. Щукина, «миф русской усадьбы — это миф о красоте “приятных уголков”, которую хранят в своей душе лучшие из тех, кто в этих “уголках” родился и вырос» [29, с. 159]; «...подобно подавляющему большинству мифов Нового времени, своими генетическими корнями он восходит к великим мифам древности — об утраченном рае, о благословенных местах и о чудотворной силе любви, которая способна победить смерть» [29, с. 204]; это устойчивое представление об усадьбе как «воплощении утонченности, красоты и благородства», «приюте муз и вдохновения» [29, с. 297].

В то же время «под “усадебным топосом” мы понимаем продуктивную культурную модель, имеющую междисциплинарный и универсальный характер, сохраняющую свою семантико-семиотическую идентичность на протяжении длительных периодов времени и обладающую выраженными пространственными характеристиками — физическими, антропологическими и символическими. Благодаря своей диахроничности и историчности “усадебный топос” является не только важнейшим элементом национальной и общечеловеческой культурной памяти, но сохраняет тесную связь с окружающей социально-исторической средой и способен видоизменяться параллельно с ней» [5, с. 98].

Итак, можно констатировать следующее фундаментальное различие: топос — категория, связанная не только с пространственностью и культурной памятью, но и с многовековой продолжительностью, диахронией; миф же в Новое время становится формой как идеологического, так и образно-интуитивного освоения новых социокультурных феноменов и, как правило, «ра-

ботае» в синхроническом модусе. Из этого следует, что в содержательном аспекте «усадебный топос» репрезентирует исторические напластования эмпирического опыта усадебной жизни на протяжении нескольких столетий, тогда как «усадебный миф» создает умозрительное и во многом идеализированное представление о помещичьей усадьбе, возводя ее топографию и быт ее обитателей к библейскому архетипу — Эдему — или к античным мифам о Золотом веке и блаженной Аркадии. Другими словами, «усадебный топос» сохраняет тесную связь с окружающей социально-исторической средой, видоизменяясь параллельно с ней, а «усадебный миф» формируется «на основе литературных произведений, выдвигая себя <...> как самую реальность, заслоняя тем самым реальность аутентичную» [5, с. 94].

Логично предположить, что такое же соотношение сохраняется между категориями «дачный топос» и «дачный миф». Если с понятиями «дачный текст» и «дачный топос» исследователи привычно связывают литературные произведения XIX – начала XX в., а в последнее время — и всего XX в., то термин «дачный миф» пока практически не употреблялся в научном дискурсе. Нам известна лишь небольшая статья А.В. Синицкой, касающаяся дачной «мифологии» как особого вида фольклора [23]. Думается, объяснить это можно только одним — сравнительно недавним временем формирования самого этого феномена; ведь тот пласт русской литературы рубежа XX–XXI вв., в котором изображение дачи приобрело устойчивый мифологизированный характер, еще слишком близок и не осмыслен в достаточной степени.

Как показала Е.В. Кузнецова, возникновению «усадебного мифа» в Серебряном веке предшествовала интенсивная разработка «поэтосферы усадьбы» в русской литературе XVIII–XIX вв.: «Поэтосфера русской усадьбы — это система устойчивых художественных образов-символов (включая типы героев) и лейтмотивов, созданная в русской словесности <...> вокруг усадьбы как историко-культурного феномена русской жизни <...>. В литературе рубежа XIX–XX вв. поэтосфера русской усадьбы мифологизируется, философски осмысливается и кристаллизуется в усадебный миф» [12, с. 72–73]. Думается, что по аналогии с этим утверждением допустимо ввести понятие «поэтосферы дачи».

В самом деле, с исчезновением в советские десятилетия традиционных усадеб как частных владений и средоточия семейно-родовых ценно-

стей эти функции во многом перешли к дачам. Особая дачная поэтосфера начала формироваться еще в 1920–1930-е гг., в частности в пространстве литературных дач В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского, К.И. Чуковского и др. Очевидно, что их творческая жизнь в писательских поселках Акулова Гора, Переделкино, Таруса и пр. была погружена в контекст общения с другими литераторами, дачный дом становился особым художественным топосом.

В связи с этим напрашивается введение термина «литературная дача» по аналогии с «литературной усадьбой», причем также в двух значениях. Вспомним, что, с одной стороны, литературная усадьба — это художественный образ, переходящий из творческого воображения своего творца — писателя — в творческое восприятие другого человека — читателя, иногда отстоящего от первого на десятки и сотни лет. Пусть даже литературная усадьба имеет конкретный исторический прототип, те или иные черты которого отражаются в художественном произведении, все равно она, в отличие от усадьбы реальной, материальной, создается из бесплотных, умозрительных, идеальных элементов и представляет собой словесно-образный феномен, осмыслением которого занимается наука о литературе. Одновременно под литературной усадьбой нередко понимают и другое, а именно писательскую усадьбу, т. е. конкретное эмпирическое место, где жил и творил какой-либо писатель. В XX в. и в наше время это, как правило, усадьбы-музеи: Михайловское, Остафьево, Болдино, Тарханы, Ясная Поляна, Овстуг, Карабиха, Шахматово, Слепнево-Градницы, Озёрки, Рождествено и др. На тех же основаниях изображенные в художественных произведениях А.П. Чехова, А.М. Горького, Б.Л. Пастернака, Ю.В. Трифонова и других авторов дачи также могут быть названы литературными; в другом смысле литературными дачами являются места проживания и творчества писателей XX–XXI вв. Сразу можно сказать, что во втором своем значении литературные дачи отличаются от литературных усадеб тем, что располагаются, как правило, группами, внутри писательских, литературно-художественных и литературно-артистических поселков (Сиверской, Тарусы, Переделкина, Красной Пахры, Комарова и др.), тогда как литературные усадьбы обычно уникальны в своем качестве среди близлежащей застройки.

В послевоенное время «поэтосфера дачи» развивалась, к примеру, в поздней поэзии А.А. Ахматовой (1950–1960-х гг.), когда в Комарове

под Ленинградом ее навещала талантливая «четверка» молодых поэтов — И.А. Бродский, Е.Б. Рейн, А.Г. Найман, Д.В. Бобышев, творчество которых также не миновала очарованность природой и своеобразным бытом этого дачного места. Расцветала и ширилась она и в прозе Ю.П. Казакова («Во сне ты горько плакал» и др.), Ю.М. Нагибина («Мальчики», «Атаман» и др.), Ю.В. Трифонова («Обмен», «Дом на набережной» и др.), В.П. Аксёнова («Московская сага»), А.Г. Битова («Дачная местность»), Саши Соколова («Школа для дураков»), Т.Н. Толстой («На золотом крыльце сидели...») и многих других. Постепенно топос дачи с характерными для дореволюционной эпохи негативно-нейтральными коннотациями переводился, пусть с ретардациями и вариациями, в аксиологический регистр усадьбы как «рая на земле». В последней трети XX в., с одной стороны, «пространство дачи маркировано как временное, случайное пристанище — в противоположность сначала усадьбе, а позднее — городской квартире. <...> В то же время пространство дачи наследует отдельные грани семантики усадебного пространства, наделяется его функциями, в частности связанными с устойчивым мотивом сохранения родовой памяти...» [26, с. 128].

Качественный скачок произошел на рубеже XX–XXI вв.: на основе уже богато инструментованной «поэтосферы дачи» в литературе эпохи постмодерности наконец-то складывается «дачный миф», который «в продолжение традиции усадебного мифа может быть репрезентирован в русской поэзии конца XX – начала XXI в. как идиллическое пространство, связанное с воспоминаниями о детстве» и чистой юношеской любви [26, с. 130]. В отличие от прежнего сатирического регистра, теперь «дачный топос» по большей части подается в мифопоэтическом ключе, и субстанциальные черты «дачного мифа» начинают проступать в прозе А.Н. Варламова («Лох»), С.А. Шаргунова («Ура!»), Л.Е. Улицкой («Зеленый шатер»), Е.Г. Водолазкина («Авиатор»), Г.Ш. Яхиной («Дети мои») и других современных писателей.

Так, например, в романе А.Н. Варламова «Лох» центральное место занимает локус подмосковной дачи в Купавне на берегу Бисерова озера. В начале 1960-х гг. родители героя получают ее в подарок от деда с условием христианского крещения сына. В этом тесном типовом домике с терраской Саню Тезкина настигают и ранняя любовь, и разлука, и первые творческие томления. В 1990-е гг., после многолетних блужданий, герой вновь поселя-

ется в Купавне, проводя на даче круглый год, как его предшественники из XIX в. в своих усадьбах. И хотя «холодный домик был мало приспособлен для осенне-зимней жизни», «...изо всех щелей <...> дул ветер, печка, прежде чем нагреться, окутывала комнату дымом», — «вечерние прогулки вдоль пустынного берега <...> Бисерова озера пробуждали в душе воспоминания о первой молодости, когда был он светел душою...» [32, с. 127]. Туман над озером и голые сады стали свидетелями судьбоносных встреч героя с местным священником, последнего разговора с отцом о смысле жизни, формирования позиции «мирской святости». В эпизоде покаяния «блудного сына» на дачной терраске просматривается архетипический топос рая, где происходит беспрепятственное общение Бога и человека как Отца с сыном. Вплетается и традиционный усадебный мотив «изгнания из рая»: после смерти отца дачка достается старшим братьям, которые выселяют Тезкина прочь.

Разворачивание «дачного мифа» в контексте неомодернизма (метамодернизма) рубежа XX–XXI вв. с присущим ему неомифологизмом действительно в первом приближении напоминает складывание «усадебного мифа» в мифологизирующей атмосфере Серебряного века на основе «поэтосферы усадьбы», разработанной русской классической литературой XIX в. Тем не менее «дачный миф» нельзя считать всего лишь вариацией, ответвлением, трансформацией «усадебного мифа» в новых социокультурных условиях. На наш взгляд, это самостоятельная литературоведческая категория, о чем свидетельствуют специфические коннотации, которые можно уловить даже при самом беглом взгляде. Так, например, в рамках «метафизического реализма» Ю.В. Мамлеева пространство старых запущенных дач, несмотря на сгущенную пошлость и патологическую мерзость существования их обитателей, становится своеобразным порталом для проникновения в таинственные и нередко ужасные «миры иные», непредсказуемо расширяющие параметры бытия («Блуждающее время», «На даче» и др.). В контексте постреализма, в частности в романе Л.Е. Улицкой «Казус Кукоцкого», дача приобретает мифологический статус «того света», пристанища «бывших людей», социальных мертвецов, психологически переселяющихся в некую параллельную реальность, дающую им, однако, искомое чувство экзистенциальной подлинности: так, гениальному врачу Павлу Кукоцкому, успешному, состоявшемуся человеку, создателю целой отрас-

ли медицины, в определенный момент жизни захотелось «только одного: остаться на даче с внучкой, кормить ее кашей по утрам, видеть гулять, раздавать ее невнятные слова и первые мысли» [34, с. 409].

Полностью идентифицировать усадебный и дачный неомифы недопустимо еще и потому, что, в отличие от органично-стихийного складывания дореволюционного усадебного архипелага, массовая раздача дачных участков и функционирование дачных кооперативов в СССР 1960–1980-х гг. были государственной программой с целью обеспечить летний отдых горожан, их здоровый досуг и более разнообразное и качественное питание на фоне продуктового дефицита, а также дополнительный жилищный резерв. В то же время, как считает М. Колдуэлл, сохранившиеся с советских времен кооперативы и садоводческие товарищества стали в России рубежа XX–XXI вв. «колыбелью гражданского общества» и «естественным путем» вызревания демократии [17, с. 362]. Раз постсоветская дача — «ключ к пониманию фундаментальных вопросов современной России» [17, с. 360], не указывает ли это на важность изучения дачного неомифа как принципиально новой черты российского национального самосознания? При этом надо иметь в виду, что, по наблюдению Р. Барта, мифы XX в., в отличие от традиционных, например античных, служат не разрешению или изживанию противоречий, а их «натурализации», «обезвреживанию» и даже оправданию [1, с. 176, 237, 291]. Кроме того, «[с]овременный миф дискретен: он высказывается уже не в виде оформленных больших рассказов, а лишь в виде “дискурса”», т. е. это «фразеология, корпус фраз (стереотипов)» [2, с. 474]. Поэтому нас не должно смущать, что «дачный миф» как будто не имеет связного нарратива, некоего повествовательного общего знаменателя, а напротив, может вмещать, казалось бы, несовместимое: патриархально-идиллическое и обостренно индивидуальное, элитарно-творческое и массово-китчевое, прагматико-натуралистическое и мистико-апокалипсическое...

Таким образом, выявление специфики «дачного мифа», пристальный анализ его семантико-семиотического наполнения, исследование структуры, антиномий, основных граней и функций в современной литературе — большая самостоятельная научная задача, которой только предстоит заняться путем рассмотрения ряда конкретных текстов и которую мы лишь кратко обозначили в настоящей статье. Параллельно, имея в виду всестороннее научное освоение феномена литературной дачи, необходимо поста-

вить и более общую цель — создание разветвленного исследовательского тезауруса как релевантной предмету изучения системы категорий. Надеемся, что начало такой системе уже положено благодаря презентации и обсуждению терминов «дачная культура», «дачный текст», «дачный топос», «поэтосфера дачи», «дачный миф» и «литературная дача».

Список литературы

Исследования

- 1 *Барт Р.* Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 5-е изд. М.: Академический проект, 2019. 351 с.
- 2 *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 511 с.
- 3 *Богданова О.А.* *Dacha as topos in the literature of the 20 century and in the E.G. Vodolazkin's novel "The Aviator"* // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 134–140. DOI: 10.26170/fk18-02-22
- 4 *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)
- 5 *Богданова О.А.* Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // *Mundo Eslavo*. 2020. № 19. С. 89–102.
- 6 *Богданова О.А.* «Усадебный текст» Георгия Чулкова: неомифология писательских имен в повести «Дом на песке» // Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 73–92. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6)
- 7 *Глухова Е.В.* *Heterotopy of the country estate in the poetics of Russian symbolism* // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 178–186.
- 8 *Деотто П.* Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры // *Europa Orientalis*. 1997 (XVI). № 1. P. 357–371.
- 9 *Деотто П.* Дача как детское пространство // *The Dacha Kingdom. Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / N. Bashmakoff, V. Ristolainen, eds. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. P. 77–88.
- 10 *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы) / отв. ред. Г.А. Велигорский. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5)
- 11 *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 524 с.
- 12 *Кузнецова Е.В.* Поэтосфера русской усадьбы: мотивы, образы, хронотоп // Русская словесность. 2020. № 6. С. 71–74.

- 13 *Ловелл С.* Дачники. История летнего житья в России. 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семеновы. СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2008. 347 с.
- 14 *Лотман Ю.М.* Камень и трава // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. Т. 1. С. 79–84.
- 15 *Луцевич Л.Ф.* Дачно-усадебный топос «Русская Финляндия»: «Белая ночь» Леонида Андреева // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+ / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 138–150. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3)
- 16 *Малинова-Тзиафета О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: ЕУСПб, 2013. 335 с.
- 17 *Малинова-Тзиафета О.* (Пост)советские дачи и дачники, воображаемые и реальные (Рец. на кн.: Caldwell M.L. *Dacha Idylls*. Berkeley; L.A., 2011) // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. С. 359–366.
- 18 *Мари Э.* У истоков «дачного топоса» // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 128–142. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2)
- 19 *Мари Э.* О понятии петербургского «дачного фольклора» конца XIX – начала XX в. // Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 333–351. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6)
- 20 *Молодяков В.Э.* Декадент на пленэре: сцены дачной жизни Валерия Брюсова // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+ / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 239–250. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3)
- 21 *Панченко А.М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–250.
- 22 *Семенович О.В.* «Путешествие» на дачу: «дачный текст» в современной литературе // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 19–20 нояб. 2009): в 2 ч. Самара, 2010. Ч. 2. С. 221–226.
- 23 *Синицкая А.В.* Ваши шесть соток (Дачная «мифология» в российском культурном контексте) // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 19–20 нояб. 2009): в 2 ч. Самара, 2010. Ч. 2. С. 217–221.
- 24 *Строганова Е.Н.* Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв. // Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 322–332. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6)

- 25 *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство–СПБ, 2003. С. 7–118.
- 26 *Тропкина Н.Е.* Художественная семантика дачного топоса в русской поэзии второй половины XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2012. № 4 (68). С. 128–132.
- 27 *Цивьян Т.В.* Дача и дачники в русском представлении. URL: <https://www.doccity.com/ru/dacha-i-dachniki-v-russkom-predstavlenii/1385340/> (дата обращения: 05.06.2022).
- 28 *Шром Н.И., Ведель А.В.* «Взморцы на штранде»: дачный сюжет между идиллией и иронией // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм / сост. и отв. ред. О.А. Богданова.* М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 255–270. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2)
- 29 *Щукин В.Г.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // *Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 157–460.
- 30 *Якушева Л.А.* Драматургия дачной жизни в реальности и художественном произведении // *Ярославский педагогический вестник.* 2015. № 5. С. 342–347.
- 31 *Caldwell M.L.* *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside.* Berkeley; L.A.: University of California Press, 2011. XXII, 201 p.

Источники

- 32 *Варламов А.Н.* Последние времена: [сб.]. М.: Астрель; АСТ; Полиграфиздат, 2010. 348 с.
- 33 *Горький А.М.* Дачники. Сцены // *Горький А.М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 7. С. 183–294.
- 34 *Улицкая Л.Е.* Казус Кукоцкого: Роман. М.: Эксмо, 2002. 448 с.
- 35 *Фофанов К.М.* Дачная прогулка: Стихотворение // *Фофанов К.М.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 72.
- 36 *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1986. Т. 13. 525 с.
- 37 *Чулков Г.И.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 2. 238 с.

References

- 1 Bart, Rolan. *Mifologii [Mythologies]*, trans. from French, preface and notes by Sergei Zenkin. 5th ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 351 p. (In Russ.)
- 2 Bart, Rolan. *Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion System. Articles on the Semiotics of Culture]*, comp., trans. from French, preface by Sergei Zenkin. Moscow, Sabashnikovy Publ., 2003. 511 p. (In Russ.)

- 3 Bogdanova, O.A. "Dacha as Topos in the Literature of the 20 Century and in the E.G. Vodolazkin's Novel 'The Aviator'." *Filologicheskii klass*, no. 2 (52), 2018, pp. 134–140. DOI: 10.26170/fk18-02-22 (In English)
- 4 Bogdanova, O.A. *Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mi-fologiia* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topic, Dynamics, Mythology], ex. ed. Ekaterina E. Dmitrieva. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russ.)
- 5 Bogdanova, O.A. "Russkaia literaturnaia usad'ba XIX–XX vv.: teoreticheskii aspekt issledovaniia" ["Russian Literary Estate of the 19th–20th Centuries: Theoretical Aspect of Research." *Mundo Eslavo*, no. 19, 2020, pp. 89–102. (In Russ.)
- 6 Bogdanova, O.A. "‘Usadebnyi tekst’ Georgiia Chulkova: neomifologiia pisatel'skikh imen v povesti ‘Dom na peske’." ["‘Estate Text’ by Georgy Chulkov: Neomythology of Writers' Names in the Story ‘House on the Sand’."]. *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia* [Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation], ex. ed. Olga A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 73–92. (In Russ.)
- 7 Glukhova, E.V. "Heterotopy of the Country Estate in the Poetics of Russian Symbolism." *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (51), 2019, pp. 178–186. (In English)
- 8 Deotto, Patrisiia. "Peterburgskii dachnyi byt XIX v. kak fakt massovoi kul'tury" ["St. Petersburg Country Life of the 19th Century as a Fact of Mass Culture"]. *Europa Orientalis*, no. 1, 1997 (XVI), pp. 357–371. (In Russ.)
- 9 Deotto, P. "Dacha kak detskoe prostranstvo" ["Dacha as a Children's Space"]. Bashmakoff, N., Ristolainen, V., editors. *The Dacha Kingdom. Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 77–88. (In Russ.)
- 10 Dmitrieva, E.E. *Literaturnye zamki Evropy i russkii "usadebnyi tekst" na izlome vekov: (1880–1930-e gody)* [Literary Castles of Europe and the Russian "Country House Genre" across the Centuries: (1880s–1930s)], ex. ed. George A. Veligorskii. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 768 p. (In Russ.)
- 11 Dmitrieva, E.E., Kuptsova, O.N. *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai* [The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found]. 2nd ed. Moscow, OGI Publ., 2008. 524 p. (In Russ.)
- 12 Kuznetsova, E.V. "Poetosfera russkoi usad'by: motivy, obrazy, khronotop" ["The Poetosphere of the Russian Estate: Motifs, Images, Chronotope"]. *Russkaia slovesnost'*, no. 6, 2020, pp. 71–74. (In Russ.)
- 13 Lovell, Stiven. *Dachniki. Istoriia letnego zhit'ia v Rossii. 1710–2000* [Summer Residents. The History of Summer Life in Russia. 1710–2000], trans. from English by L.G. Semenova. St. Petersburg, Akademicheskii proekt: DNK Publ., 2008. 347 p. (In Russ.)
- 14 Lotman, Iu.M. "Kamen' i trava" ["Stone and Grass"]. *Lotmanovskii sbornik* [Lotman Collection], vol. 1. Moscow, ITs-Garant Publ., 1995, pp. 79–84. (In Russ.)

- 15 Lutsevich, L.F. “Dachno-usadebnyi topos ‘Russkaia Finliandiia’: ‘Belaia noch’ Leonida Andreeva” [“Dacha-estate Topos ‘Russian Finland’: ‘White Night’ by Leonid Andreev”]. Bogdanova, O.A., editor. *Fenomen russkoi literaturnoi usad’by: ot Chekhova do Sorokina+* [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: from Chekhov to Sorokin+]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 138–150. (In Russ.)
- 16 Malinova-Tziafeta, O.Iu. *Iz goroda na dachu: sotsiokul’turnye faktory osvoeniia dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From the City to the Country: Socio-cultural Factors of the Development of the Suburban Space around St. Petersburg (1860–1914)]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ., 2013. 335 p. (In Russ.)
- 17 Malinova-Tziafeta, O. (Post)sovetskie dachi i dachniki, voobrazhaemye i real’nye. Retenziia na knigu: Caldwell M.L. *Dacha Idylls*. Berkeley; L.A., 2011 [(Post)soviet dachas and summer residents, imaginary and real. Book Review: Caldwell M.L. *Dacha Idylls*. Berkeley; L.A., 2011]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 2013, pp. 359–366. (In Russ.)
- 18 Mari, E. “U istokov ‘dachnogo toposa’.” [“At the Origins of the ‘Dacha Topos’.”]. Bogdanova, O.A., editor. *Russkaia usad’ba i Evropa: diakhroniia, nostalg’iia, universalizm* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 128–142. (In Russ.)
- 19 Mari, E. “O poniatii peterburgskogo «dachnogo fol’klora» kontsa XIX — nachala XX v.” [“About the Concept of St. Petersburg ‘Dacha Folklore’ of the late 19 — early 20 Century”]. Bogdanova, O.A., editor. *Usad’ba real’naia — usad’ba literaturnaia: vekto-ry tvorcheskogo preobrazheniia* [Real Estate — Literary Estate: Vectors of Creative Transformation]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 333–351. (In Russ.)
- 20 Molodiakov, V.E. “Dekadent na plenere: stseny dachnoi zhizni Valerii Briusova” [“Decadent in the Plein Air: Scenes of Valery Bryusov’s Country Life”]. Bogdanova, O.A., editor. *Fenomen russkoi literaturnoi usad’by: ot Chekhova do Sorokina+* [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: from Chekhov to Sorokin+]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 239–250. (In Russ.)
- 21 Panchenko, A.M. “Topika i kul’turnaia distantsiia” [“Topics and Cultural Distance”]. *Istoricheskaia poetika. Itogi i perspektivy izucheniiia* [Historical Poetics. Results and Prospects of the Study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 236–250. (In Russ.)
- 22 Semenitskaia, O.V. “‘Puteshestvie’ na dachu: ‘dachnyi tekst’ v sovremennoi literature” [“‘Journey’ to the Country: ‘Dacha Text’ in Modern Literature”]. *Kody russkoi klassiki: “dom,” “domashnee” kak smysl, tsennost’ i kod* [Codes of Russian Classics: ‘Home’ as Meaning, Value and Code], materials of the III international scientific and practical conference (Samara, Nov. 19–20, 2009) in 2 pt., pt. 2. Samara, 2010, pp. 221–226. (In Russ.)
- 23 Sinitskaia, A.V. “Vashi shest’ sotok (Dachnaia ‘mifologiia’ v rossiiskom kul’turnom kontekste)” [“Your Six Acres (Dacha ‘Mythology’ in the Russian Cultural Context)”]. *Kody russkoi klassiki: “dom,” “domashnee” kak smysl, tsennost’ i kod* [Codes of Russian Classics: ‘Home’ as Meaning, Value and Code], Materials of the III international scien-

- tific and practical conference (Samara, Nov. 19–20, 2009) in 2 pt., pt. 2. Samara, 2010, pp. 217–221. (In Russ.)
- 24 Stroganova, E.N. “Dachnye siuzhety v zhenskoi proze rubezha XIX–XX vv.” [“Country Plots in Women’s Prose of the Turn of the 19–20 Centuries”]. Bogdanova, O.A., editor. *Usad’ba real’naia — usad’ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia* [Real Estate — Literary Estate: Vectors of Creative Transformation]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 322–332. (In Russ.)
- 25 Toporov, V.N. “Peterburg i ‘Peterburgskii tekst russkoi literatury’ (Vvedenie v temu)” [“Petersburg and the ‘Petersburg text of Russian Literature’ (Introduction to the Topic)”]. Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye Trudy* [The Petersburg text of Russian Literature. Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003, pp. 7–118. (In Russ.)
- 26 Tropkina, N.E. “Khudozhestvennaia semantika dachnogo toposa v russkoi poezii vtoroi poloviny XX v.” [“Artistic Semantics of this Topos in Russian Poetry of the Second half of the 20th Century”]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (68), 2012, pp. 128–132. (In Russ.)
- 27 Tsiv’ian, T.V. *Dacha i dachniki v russkom predstavlenii* [Dacha and Summer Residents in the Russian Representation]. Available at: <https://www.doccity.com/ru/dacha-i-dachniki-v-russkom-predstavlenii/1385340/> (Accessed 05 June 2022). (In Russ.)
- 28 Shrom, N.I., Vedel’, A.V. “‘Vzmortsy na shtrande’: dachnyi siuzhet mezhdu idilliei i ironiei” [“‘Vzmorczi na shtrande’: a Dacha Plot between Idyll and Irony”]. Bogdanova, O.A., editor. *Ruskaia usad’ba i Evropa: diakhroniia, nostalgiiia, universalizm* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 255–270. (In Russ.)
- 29 Shchukin, V.G. “Mif dvorianского гнезда. Geokul’turologicheskoe issledovanie po russkoi klassicheskoi literature” [“The Myth of the Noble Nest. Geoculturological Research on Russian Classical Literature”]. Shchukin, V.G. *Rossiiskii genii Prosveshcheniia. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [The Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetics and the History of Ideas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 157–460. (In Russ.)
- 30 Iakusheva, L.A. “Dramaturgiia dachnoi zhizni v real’nosti i khudozhestvennom proizvedenii” [“Dramaturgy of Country Life in Reality and Fiction”]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 5, 2015, pp. 342–347. (In Russ.)
- 31 Caldwell, Melissa L. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia’s Countryside*. Berkeley, L.A., University of California Press, 2011. XXII, 201 p. (In English)